

Б. Н. Чичерин

**Основания логики и
метафизики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Б11

Б11 **Б. Н. Чичерин**
Основания логики и метафизики / Б. Н. Чичерин – М.: Книга по Требованию,
2014. – 374 с.

ISBN 978-5-458-02411-2

ISBN 978-5-458-02411-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

къ единству, согласному съ современными требова-
ніями.

Такова неустранимая задача, которая предстоитъ современнымъ философамъ, задача, безъ исполненія которой мысль не подвинется ни на шагъ. Но какъ приняться за разработку метафизики, не утвердивъ предварительно логики на непреложныхъ началахъ? Метафизика представляетъ развитіе логическихъ опредѣленій на основаніи логическихъ законовъ; она вся держится на логикѣ. Казалось бы, относительно послѣдней, между людьми, стоящими на твердой научной почвѣ, не должно существовать разногласія. Въ самомъ дѣлѣ, возможна ли какая-нибудь точная и достовѣрная наука безъ твердыхъ логическихъ основаній? Будемъ ли мы отправляться отъ фактовъ и путемъ наведенія восходить къ общимъ началамъ, какъ въ опытныхъ наукахъ, или, наоборотъ, исходя отъ общихъ началъ, нисходить къ частностямъ путемъ вывода, какъ дѣлаетъ математика, все это будутъ логическія операциі, вѣрность которыхъ зависитъ отъ правильнаго сознанія и приложенія логическихъ законовъ. Логика есть первая и основная наука, дающая законъ всѣмъ остальнымъ. И эта наука можетъ быть изслѣдована совершенно точнымъ и достовѣрнымъ образомъ, ибо предметъ ея дается непосредственнымъ самосознаніемъ мысли, которая, познавая вещи, сознаетъ при этомъ свои способы дѣйствія и свои пути. Всякое прибрѣтенное человѣкомъ достовѣрное знаніе служить живымъ выраженіемъ логическихъ законовъ, а потому съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ для сомнѣнія нѣтъ мѣста. А между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ не то. Именно эта основная наука подвергается такимъ разнорѣчивымъ толкованіямъ и такимъ изумительнымъ искаженіямъ, какъ никакая другая. Формально она не отвергается, какъ метафизика; но по су-

шеству она отрицается всею школою чистыхъ эмпириковъ. Ибо что такое учение всей англійской школы, съ Миллемъ и Бэномъ во главѣ, какъ не отрицаніе всякаго логическаго начала и низведеніе разума на степень чистой бессмыслицы? Когда положеніе, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою, выводится изъ привычки, приобретаемой ежедневнымъ опытомъ, то что же остается для логической дѣятельности? Разумъ не только перестаетъ быть дѣятельною силой и превращается въ чистую доску; онъ становится просто нулемъ. Внѣшнія впечатлѣнія, получившія фиктивную самостоятельность подъ заманчивымъ прозвищемъ факта, таинственнымъ образомъ сходятся и расходятся въ пустой средѣ, именуемой человѣческою мыслью, и производятъ бессмысленныя сочетанія, которыя, въ силу привычки, укореняются и воспроизводятся въ другихъ подобныхъ же случаяхъ. При такомъ полномъ отрицаніи всякаго разумнаго начала, то есть, начала, вытекающаго изъ разума, какъ таковаго, мудро ли, что всѣ логическія дѣйствія получаютъ совершенно превратный видъ? Самая математика выдается за науку, получающую свои начала изъ опыта и дѣйствующую путемъ наблюденія вырабатывающихся изъ опыта умственныхъ представленій, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ ней нѣтъ ни единаго опытнаго начала и всѣ ея дѣйствія чисто умозрительныя. Эмпирическая логика, отвергающая всякій умозрительный элементъ, въ сущности, есть отрицаніе логики; иными словами, это — теорія глупости. Вундтъ справедливо замѣтилъ, что ассоціацію представленій, не руководимыхъ никакимъ разумнымъ началомъ, въ томъ видѣ какъ она является у эмпириковъ, лучше всего наблюдать въ бреду сумасшедшаго.

Не многимъ выше стоитъ и нѣмецкая школа. И здѣсь, вытекающее изъ реализма стремленіе придать логикѣ

значеніе естественной науки, основанной на фактахъ, ведетъ къ извращенію истиннаго ея характера. Фактическая сторона, которая ничто иное какъ явленіе логической, получаетъ неподобающій перевѣсъ надъ послѣдней; нерѣдко призывается на помощь самая физиологія, которой вмѣшательство тутъ совершенно неумѣстно; внутренней опытъ уподобляется внѣшнему; наконецъ, разумъ подчиняется волѣ и тѣмъ лишается присущей ему самостоятельности, между тѣмъ какъ истинное отношеніе состоитъ въ подчиненіи воли разуму, а не наоборотъ. При такихъ превратныхъ понятіяхъ о существѣ разума и его дѣйствіяхъ, логическія изслѣдованія нѣмецкой школы, начиная съ Тренделенбурга и кончая Зигвартомъ и Вундтомъ, представляютъ большею частью только цѣпь невѣрныхъ выводовъ. Съ трудомъ можно отыскать въ нихъ какое-либо точное и достовѣрное положеніе. Вмѣсто ясности мысли водворяется египетская тьма. Что же удивительнаго, если тьма водворяется и въ другихъ наукахъ, заимствующихъ свои начала изъ логики?

При такомъ положеніи вещей, остается перестроить логику заново. Но какъ къ этому приступить? Гдѣ найти твердыя точки опоры, когда относительно самыхъ коренныхъ началъ въ логикѣ господствуетъ полнѣйшее разнорѣчіе, и наибольшее согласіе устанавливается именно въ томъ, что всего болѣе удаляется отъ истины?

Къ счастью, логика заключаетъ въ себѣ начала, въ которыхъ нельзя сомнѣваться и которыя извѣстны давнымъ давно. Мы имѣемъ и специальную науку, математику, основанную чисто на законахъ логической необходимости и дающую совершенно точное и достовѣрное знаніе. Стало быть, возможность достигнуть въ этой области точной и достовѣрной истины для насъ не закрыта. Не требуются даже тѣ многосторон-

нія изслѣдованія и тѣ искусственные приемы, къ которымъ прибѣгаютъ ученые, старающіеся уловить связь внѣшнихъ явленій. Начала и приемы мысли даются намъ непосредственнымъ самосознаніемъ, и результаты ихъ показываютъ, чего мы этимъ путемъ можемъ достигнуть. Для логическихъ изслѣдованій нужно только взглянуть яснымъ и непредубѣжденнымъ взоромъ на то, что мы дѣлаемъ, не внося сюда постороннихъ соображеній и не сбиваясь съ толку теоріями, которыя сами должны найти свое оправданіе въ логикѣ.

Самосознаніе разума заключаетъ въ себѣ двоякій элементъ: фактической, или реальной, и чисто логической, то, что дѣлается, и сознаніе необходимости того, что дѣлается. Первый раскрывается намъ анализомъ, разложеніемъ реального дѣйствія на составные его факторы. Такъ какъ дѣйствіе сознательно, то всѣ факторы у насъ на-лицо; для опредѣленія ихъ требуется только всестороннее вниманіе. Но какъ узнать, что это вниманіе приложено, что ничего не упущено, или не понято ложно? Проверкою служитъ второе дѣйствіе—чисто логическое. Мы можемъ быть увѣрены, что анализъ сдѣланъ правильно и всесторонне, если въ немъ оказывается логическая необходимость, то есть, если онъ соотвѣтствуетъ законамъ разума. Мы имѣемъ здѣсь силлогизмъ, въ которомъ законы разума составляютъ большую посылку, фактической анализъ меньшую; изъ обѣихъ слѣдуетъ достовѣрное заключеніе.

Первая задача состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобъ установить законы разума, которые должны служить большею посылкою. Но какъ это сдѣлать? Повидимому, мы впадаемъ здѣсь въ логическій кругъ: съ одной стороны, законы разума должны опредѣляться логикою, составлять выводъ изъ изслѣдуемыхъ ею данныхъ; съ другой стороны, они должны быть руково-

дящимъ началомъ самаго изслѣдованія. Однако этотъ кругъ только кажущійся. Мы дѣйствительно получаемъ, какъ результатъ изслѣдованія, тѣ законы, которые съ самаго начала служатъ намъ руководствомъ; но это совпаденіе конца съ началомъ доказываетъ вѣрность и правильность всего дѣйствія. Безъ логическаго закона мы не можемъ сдѣлать ни шага, ибо имъ опредѣляется всякое дѣйствіе разума; но въ началѣ онъ является какъ бы въ зародышѣ, въ самомъ общемъ очертаніи, какъ чистое сознаніе необходимости, въ концѣ же онъ получается во всей полнотѣ, прошедши черезъ всѣ опредѣленія, чѣмъ самымъ утверждается полная его достовѣрность.

Но какъ получить начало? Оно непосредственно вытекаетъ изъ самаго понятія о способахъ дѣйствія разума. Законъ выражаетъ постоянный и необходимый способъ дѣйствія силы. Дѣйствія разума двойки: соединеніе и раздѣленіе. Всякая логическая операція состоитъ или въ томъ, или въ другомъ, а чаще всего заключаетъ въ себѣ оба вмѣстѣ. Поэтому опредѣленія единства и множества суть основныя начала разума при познаніи какого бы то ни было предмета. Но эти два противоположныя опредѣленія, въ свою очередь, связываются двумя противоположными путями, посредствомъ соединенія и посредствомъ раздѣленія. Первое даетъ конкретное сочетаніе единого и многаго, второе— ихъ отношеніе. Эти четыре начала, которыя очевидно ничто иное какъ необходимые способы дѣйствія разума, какъ силы разлагающей и слагающей всякое содержаніе, представляютъ такимъ образомъ двѣ перекрещивающіяся противоположности. Они образуютъ общую логическую схему для познанія всякаго предмета, а тѣмъ болѣе для познанія логическихъ операцій. Когда анализъ далъ намъ эти четыре начала, мы можемъ быть увѣрены, что мы получили полноту ло-

гически необходимыхъ элементовъ познанія, а вмѣстѣ и необходимыя ихъ отношенія ¹⁾).

Ту же схему можно представить и въ видѣ трехъ послѣдовательныхъ логическихъ ступеней, изъ которыхъ средняя разбивается на два противоположныхъ опредѣленія. Если мы за исходную точку примемъ конкретное сочетаніе, то разнимая его, мы получимъ два противоположныхъ опредѣленія, выражающихъ единство и множество, а связывая ихъ опять, мы дойдемъ до ихъ отношенія. Это два слѣдующіе другъ за другомъ процесса—разложенія и сложенія. Наоборотъ, начавши съ отношенія, мы перейдемъ къ двумъ противоположнымъ началамъ, другъ къ другу относящимся, а затѣмъ и къ конкретному ихъ сочетанію. Тѣ же ступени получаются, если мы начнемъ съ другой, перекрещивающейся съ первой противоположности. Взявши за исходную точку отвлеченное единство, мы въ немъ найдемъ необходимость перейти къ множеству, ибо всякое одностороннее и относительное начало логически требуетъ восполненія. Этотъ переходъ можетъ совершиться двоякимъ путемъ: черезъ отношеніе и черезъ сочетаніе. Эта противоположность составляетъ вторую ступень; третью же образуетъ положеніе множества, какъ результатъ процесса. Наконецъ, такъ какъ каждая изъ

¹⁾ Для читателей, непривычныхъ къ философскимъ понятіямъ, можно эту схему представить наглядно въ слѣдующей формулѣ:

Единство.

Отношеніе. + Сочетаніе.

Множество.

Очевидно, эта формула не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ самыхъ элементарныхъ логическихъ дѣйствій: соединенія и раздѣленія. Заключающіяся въ ней противоположныя опредѣленія единства и множества представляютъ двѣ крайности, между которыми лежатъ двѣ связывающія ихъ середины: одна въ формѣ соединенія, другая въ формѣ раздѣленія. Изъ самыхъ терминовъ ясно, что внѣ этого ничего быть не можетъ, каково бы ни было содержаніе:

двухъ перекрещивающихся противоположностей логически требуетъ другую, то въ изложеніи можно начать съ одной и затѣмъ перейти къ другой.

Во всякомъ случаѣ, основная задача заключается въ томъ, чтобы, разложивъ предметъ на составные элементы, построить ихъ такъ, чтобы они подходили подъ логическую схему. Въ этомъ состоитъ конструкція, то посредствующее дѣйствіе, которое въ математикѣ служитъ основаніемъ всѣхъ выводовъ. Въ математикѣ, имѣющей свою специальную логическую сферу, чисто количественную, основной логическій законъ, подъ который подвоятся фактическія данныя, есть законъ равенства; конструкція состоитъ въ построеніи уравненія изъ этихъ данныхъ. Въ общей логикѣ законъ сложнѣе: онъ обнимаетъ какъ количество, такъ и качество; поэтому и схема для конструкціи болѣе сложная. Но приемъ одинъ, и выводъ въ обоихъ случаяхъ будетъ совершенно достовѣренъ, ибо онъ построенъ на правильномъ силлогизмѣ. Нужно только, чтобы конструкція естественно вытекала изъ фактическихъ данныхъ, а не состояла съ ними въ противорѣчій. Это и должно быть выяснено анализомъ:

Прилагая къ логикѣ основной математической приемъ, я счелъ полезнымъ усвоить въ нѣкоторой степени, и самый способъ математическаго изложенія, а именно: раздѣлять отдѣльныя положенія и доказательства, такъ чтобы они представлялись уму каждое особо. Обыкновенное слитное изложеніе, безъ сомнѣнія, гораздо приятнѣе и удобнѣе для чтенія; но самая непрерывность и текучесть рѣчи ведутъ къ тому, что выражаемая ею мысль не различается съ достаточною ясностью, а сливаются, и потому нерѣдко спутываются. Гдѣ требуются точность и достовѣрность, приходится жертвовать удобствомъ и изяществомъ. Особенно когда нить мысли представляетъ цѣлую сложную и послѣдователь-

ную систему, лучше излагать каждое звено въ отдѣльности, такъ чтобы для читателя и для критики было ясно, гдѣ лежитъ сила доказательства и въ чемъ заключается неточность или невѣрность. Однако я не счелъ нужнымъ проводить этотъ приемъ во всей педантической строгости. Въ математикѣ каждая теорема доказывается отдѣльно; въ логикѣ и метафизикѣ понятія и прѣложенія большею частью вытекаютъ послѣдовательно одно изъ другаго, такъ что связь ихъ сама по себѣ ясна для внимательнаго ума. Гдѣ эта связь казалась мнѣ очевидною, тамъ я сокращалъ приемъ и опускалъ излишнее бремя доказательствъ. Если внимательная критика усмотритъ гдѣ либо пробѣлы, пополнить ихъ можно будетъ въ послѣдствіи.

Стараясь утвердить науку на прочныхъ основаніяхъ, я излагалъ только существенное, то, что представлялось мнѣ совершенно достовѣрнымъ и необходимымъ. Подробности я устранялъ, какъ могущія затемнить общую связь понятій. По той же причинѣ я избѣгалъ и полемикъ, ограничиваясь немногими замѣчаніями, выясняющими дѣло или характеризующими современное состояніе науки. Подкрѣплять изложеніе опроверженіемъ чужихъ мнѣній значило бы дать сочиненію неподобающую длину. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о логической связи понятій, краткость и сжатость суть необходимыя требованія.

Но желая, по возможности, придать своимъ выводамъ точность и достовѣрность, я не скрываю отъ себя, что предлагаемая основанія логики и метафизики составляютъ только первый шагъ къ достиженію цѣли. Превратить въ точную и достовѣрную науку массу свѣдѣній и понятій, находящихся въ хаотическомъ состояніи и подлежащихъ самымъ разнороднымъ толкованіямъ, есть задача, превышающая силы отдѣльнаго человѣка. Но кому нибудь начать надо. Я предлагаю попытку и об-

ращаюся за содѣйствіемъ къ тѣмъ молодымъ русскимъ ученымъ, которые нынѣ подвизаются на философскомъ пути. Къ счастью, легкомысленное пренебреженіе философіей начинаетъ уступать болѣе трезвому и основательному взгляду. Многие молодые люди съ жадностью кидаются на философскіе вопросы. Можетъ быть, между ними найдутся продолжатели моего труда, которые исправятъ невѣрное и пополнятъ недостаточное. Только совокупными усиліями многихъ философія можетъ получить значеніе истинной науки.

ЛОГИКА.

ВВЕДЕНИЕ.

Опредѣленіе и раздѣленіе.

§ 1. Логика есть наука о мышленіи. Она опредѣляется какъ наука, а не какъ искусство, ибо искусство есть практическое приложеніе науки, предполагающее послѣднюю, какъ свое основаніе. Искусство можетъ быть и самородное, безъ предварительной науки, но таковое не преподается и не излагается, а составляетъ предметъ изслѣдованія.

Логика опредѣляется какъ наука о мышленіи, а не какъ наука о познаніи истины, ибо хотя познаніе истины составляетъ высшую ея цѣль, однако логическія формы и законы относятся не къ одному познанію: ими опредѣляются и практическая дѣятельность и самыя созданія воображенія.

§ 2. Какъ наука о мышленіи, логика составляетъ часть психологіи въ обширномъ смыслѣ, то-есть науки о разныхъ способностяхъ и дѣятельностяхъ человѣческой души. Однако она имѣетъ и самостоятельное значеніе. Психологія исходитъ отъ явленій и старается раскрыть управляющіе ими законы; логика же имѣетъ свои безусловно достовѣрныя начала и законы, которые не добываются путемъ наблюденія, а сознаются